

А.М. Либман

д.э.н., PhD (Economics), профессор, Берлинский Свободный университет (Берлин)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СМЕШАННЫЕ МЕТОДЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. Современное научное сообщество декларирует стремление к междисциплинарному подходу. В рамках отдельных дисциплин (прежде всего, в политологии) приветствуется сочетание различных методологических подходов в рамках так называемых «смешанных методов». Однако сколь продуктивными на самом деле являются междисциплинарные исследования? Способны ли они действительно продвинуть науку вперед? В настоящей статье мы попытаемся критически оценить перспективы междисциплинарных подходов и смешанных методов, определив условия, при которых они могут быть по-настоящему успешными.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, смешанные методы, методология, понятие научности.

JEL: B40, N00, Z13

УДК: 303.101.5

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_35_48

© А.М. Либман, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Либман А.М. Междисциплинарные исследования и смешанные методы: перспективы и ограничения // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 35–48. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_35_48.

FOR CITATION: Libman A. Interdisciplinary research and mixed methods: perspectives and limitations // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 35–48. DOI: 10.52342/2587-7666V-TE_2023_3_35_48.

Введение¹

Принцип междисциплинарности является, наверное, одним из наиболее распространённых риторических приёмов в современной науке. На междисциплинарные методы ссылаются при создании новых научных центров, при подаче заявок на гранты и при написании научных статей. При этом вопрос о том, какой цели должна служить междисциплинарность, часто остаётся без ответа. Кажется самоочевидным, что для понимания сложных феноменов сочетание подходов разных наук было бы весьма полезно — отдельные дисципли-

¹ Автор выражает признательность участникам семинаров в Институте экономики РАН, Институте Европы РАН, Бамбергском университете, а также студентам магистратуры «Восточноевропейские исследования» Берлинского Свободного университета, участвовавшим в семинаре «Mixed Methods and Interdisciplinarity in Political Science» в зимнем семестре 2022/23 годов.

лины с высокой вероятностью дадут неполную и неточную картину реальности. Помимо этого в различных дисциплинах вполне могут содержаться выводы, теории и концепции, полезные для других дисциплин. Поэтому исследования, в которых сотрудничают представители различных научных сообществ, кажутся крайне перспективными, а дисциплины, избегающие междисциплинарности, подвергаются критике.

Позиция экономической науки в междисциплинарном диалоге традиционно является достаточно специфической. Конечно, экономика многое заимствовала у других дисциплин — математики, статистики, а поведенческая экономика — у психологии. Однако при этом экономисты сознательно дистанцировались от других общественных наук, воспринимая себя как представителей своего рода «естественной науки об обществе». Конечно, экономисты участвуют в крупных междисциплинарных проектах, но в общем и целом менее склонны вести дискуссию с представителями других наук, чем социологи и политологи. До недавнего времени экономисты относительно неохотно цитировали представителей других дисциплин [Fourcade, Ollion, Algan, 2015], хотя в настоящее время подобная «изоляция» экономической науки ослабевает [Angrist, Azoulay, Ellison, Hill, Lu, 2020; Truc, Santerre, Gingras, Claveau, 2020]².

Сколь проблематична на практике «замкнутость» экономики? Настоящая статья представляет собой попытку критического анализа преимуществ и проблем междисциплинарности. Наш главный вывод — во многих случаях кажущиеся преимущества междисциплинарных исследований с лихвой компенсируются их недостатками — прежде всего проблемами коммуникации и различным пониманием самой сути научных исследований. Междисциплинарный «диалог» часто срывается только в случае достаточно близких дисциплин, основанных на схожих эпистемологических предпосылках.

Междисциплинарный диалог: три примера

В качестве стартовой точки анализа приведу три примера междисциплинарного взаимодействия: экономики и политологии (в рамках так называемой «политической экономики»); истории и общественных наук; экономики и физики («эконофизика») и генетики и политологии («генополитика») и экономики³.

Политическая экономика

Первый пример междисциплинарного диалога, который мы рассмотрим в нашей статье, — *взаимодействие экономической науки и политологии* — можно считать относительно успешным, причём с точки зрения обеих дисциплин. За последние пятьдесят лет между экономикой и политологией было выстроено немало «мостов». С одной стороны, политические процессы стали бесспорным предметом исследования экономистов: если первоначально сообщество теоретиков «общественного выбора» (public choice) представляло собой сравнительно обособленную группу экономистов, то, как минимум, последние двадцать лет экономический анализ политики относится к числу тем, которыми занимаются и лидеры дисциплины [Mueller, 2015]. С другой стороны, политическая наука (осо-

² Хотя бы часть междисциплинарных цитат при этом может быть связана с растущей готовностью экономистов публиковаться в журналах других дисциплин (в силу большей конкуренции в экономических журналах) [Mitra, Palmer, Vuong, 2020], хотя в экономике журналы других научных областей (в какой-то степени даже Nature и Science) котируются с определённым дисконтом.

³ Перечень приведённых в статье кейсов не является исчерпывающим. Существуют и другие примеры междисциплинарного диалога, оставшиеся за пределами нашей дискуссии, например взаимодействие экономики и наук о мозге — так называемая «нейроэкономика» (neuroeconomics) [Kenning, Plassmann 2005; Camerer, Loewenstein, Prelec, 2005; Truc, 2023].

бенно в США) серьёзно изменилась под влиянием экономики: сначала теория рационального выбора и количественные методы исследования добились важного (если не ведущего) статуса в дисциплине, а затем и новейшие тенденции экономической науки — «революция достоверности» [Angrist, Pischke, 2010] были воспроизведены в исследованиях политики [Samii, 2016]⁴.

На сегодняшний день грань между экономистами и политологами, конечно, не стёрлась, но она достаточно проницаема. Существует немало примеров исследователей, публикующихся как в экономических, так и в политологических журналах, выступающих на конференциях обеих дисциплин и даже проводящих часть своей карьеры в департаментах (факультетах) экономики и политологии. В некоторых случаях понять, идёт ли речь об «экономистах» или «политологах», можно, лишь обратив внимание на небольшие «стилистические» различия между дисциплинами — предпочтения тех или иных методов анализа или типичная риторика статей [Либман, 2013]. Более того, схожими стали и форматы, в которых политологи и экономисты ведут диалог в своих научных сообществах — в обеих дисциплинах ключевую роль играют научные журналы с их чёткой иерархией⁵. Это также «облегчает» взаимодействие между дисциплинами: экономистам проще выделить «маркеры качества» (например, уровень престижности журнала), которым следует следовать, читая политологические статьи, и наоборот⁶.

Пример политологии и экономики, однако же, позволяет довольно чётко очертить и границы междисциплинарного диалога. Обе дисциплины практически тождественны друг другу с точки зрения базовых эпистемологических допущений — представления о том, что составляет суть научного исследования. Обе дисциплины примерно одинаково оценивают своё место (и место науки) в обществе, следуя одному и тому же идеалу. Наличие этих базовых общих конвенций гарантирует способность дисциплин вести диалог между собой. Для областей общественных наук, основанных на других эпистемологических основаниях (конструктивизм, интерпретативная социология) или на других представлениях о роли науки (критическая социология, для которой учёный — не просто «исследователь» и время от времени «консультант», но в первую очередь критик существующего социального порядка), наладить диалог с экономикой оказывается гораздо сложнее. И более того, как только экономика и политология сталкиваются с различиями в базовых допущениях, их способность к взаимному обогащению также уменьшается⁷. Политология представляет собой более разнородную дисциплину, чем экономика. Это означает, что в проекте «политической экономики» могут принять участие лишь некоторые направления политологической мысли⁸.

⁴ Хотя и с определёнными модификациями — для политологов основным инструментом причинно-следственной идентификации стали опросные эксперименты, которые в меньшей степени применяются в экономике.

⁵ Политологи, впрочем, продолжают публиковать монографии.

⁶ Ситуация в количественной социологии схожа. В ней также большое распространение получила теория рационального выбора (хотя и существует ряд конкурентов — например, подходы шведской школы аналитической социологии [Hedstrom, 2005]), а в количественных исследованиях всё больше внимания уделяется идентификации и причинно-следственным связям. Некоторые концепции («микрофундирование» (microfoundations) в экономике и «лодка Коулмана» (Coleman's boat) в социологии) практически тождественны. Количественные социологи несколько отличаются от экономистов с точки зрения используемого инструментария [Oshchepkov, Shirokanova, 2022], но не более того. Качественные социологи почти полностью воздерживаются от диалога с экономистами (кроме общей критики подхода последних), а также со своими коллегами-социологами, занимающимися количественными методами.

⁷ Например, экономисты скептически относятся к опросам и интервью, полагая, что необходимо исследовать не высказывания людей (часто искажающие их реальные предпочтения), а их поведение (revealed preferences).

⁸ Ярким примером могут быть протесты в Американской политологической ассоциации в 2000 г., связанные как раз с чрезмерным (по мнению их участников) распространением экономических методов. Если для некоторых политологов такая интеграция оказалась желательной, для других, в силу большей дистанции их методологических подходов и допущений, с одной стороны, и подходов и допущений экономистов — с другой, интеграция стала проблемой [Landman, 2002; Laitin, 2003; Gunnell, 2015].

Экономическая история и исследования устойчивости

Гораздо более спорными являются результаты другого междисциплинарного диалога — между экономикой и историей. Последнее десятилетие стало настоящей революцией в сфере использования исторических данных общественными науками, и прежде всего экономикой. Идея применения формальных методов и абстрактных теорий для анализа исторических данных, конечно, не нова: её примерами являются клиометрика, а также концепция «аналитических нарративов» [Greif, 1997; Bates, Greif, Levi, Rosenthal, Weingast, 2000]. Однако резкий рост доступности исторических данных, связанный с оцифровкой источников (а также общим развитием так называемых «цифровых общественных наук» — digital humanities), существенно облегчил работу обществоведов, стремящихся использовать исторические данные. Прежде всего речь идёт о расцвете таких субдисциплин, как экономическая история и историческая политическая экономика [Abramitzky, 2015; Charnysh, Finkel, Gehlbach, 2023]. Однако не менее важно появление субдисциплины «исследований устойчивости» (persistence studies) — целого ряда работ, отслеживающих влияние исторических данных на современное экономическое, политическое и социальное развитие [Abad, Maurer, 2021; Cirone, Pepinsky, 2022].

На сегодняшний день, таким образом, немало экономистов (а также политологов и отчасти социологов) работают с историческими данными и в какой-то степени «внедряются» на территорию историков. Однако историки реагируют на такую экспансию гораздо более настороженно, чем политологи на экспансию экономистов в нашем предыдущем примере. Первая причина очевидна — историки гораздо более осмотрительно относятся к фактам и деталям в своих работах и не доверяют абстрактным дедуктивным теориям (являющимся основой экономической науки или политологии). Соответственно, по мнению историков, многие работы экономистов и политологов игнорируют исторические реалии, используют некорректные аналогии и неправильно интерпретируют данные, уделяя большее внимание соответствию данных и теорий, чем попыткам реально объяснить исторические явления [Boldizzoni, 2011]. Специфическая проблема, на которую часто указывают историки, — так называемое «сжатие истории» (compression of history) в работах обществоведов, игнорирующих тот факт, что исторические феномены, существующие столетиями или тысячами, сами серьёзно меняются, поэтому строить теорию, исходя из их характеристики в какой-то конкретный момент времени, было бы неправильно [Austin, 2008].

Существует, однако, и более глубокая причина взаимного непонимания исторической и общественных наук, связанная с принципиально другим восприятием самого понятия научности в истории. Значительная часть работы историков, конечно, посвящена выявлению конкретных фактов и описанию реалий прошлого. Однако на основе этих фактов историки конструируют исторические нарративы — в буквальном смысле «истории», описывающие прошлое под определённым углом зрения, выбор которого часто определяется специфическими вопросами, находящимися в центре современной дискуссии. Подчёркнём: речь идёт, конечно, не о манипуляции данными (она, естественно, недопустима для историков) и не о подгонке прошлого под идеологические предпочтения того или иного исследователя, а скорее о выборе перспективы, позволяющей сконцентрировать большее внимание на тех или иных аспектах прошлого [Курилла, 2022]. Как раз этот метод и позволяет историкам играть важную роль не только в научной, но и в общественной дискуссии. Их тексты неизбежно привлекают внимание широкой аудитории, поскольку написаны как обращённый в прошлое ответ на ведущуюся сегодня актуальную дискуссию.

Подобный подход к науке глубоко чужд многим экономистам и политологам. Соответственно, возникают проблемы интерпретации: обществоведы или считают работы историков предельно упрощёнными (и игнорируют содержащиеся в них важные выводы), или пытаются «выудить» из них конкретные факты для тестирования гипотез и теорий (что не соответствует самому принципу построения «историй», с которым работают исто-

рики). Во многих случаях историческая наука предлагает множество перспектив взгляда на те или иные отрезки истории; с этим «плюрализмом нарративов» общественные науки не справляются [Lustick, 1996]. Можно утверждать, что в глазах многих обществоведов история представляет собой своего рода аналог общественных наук, «опрокинутый» в прошлое и менее строгий в части использования теории. Между тем история — это не общественная, а гуманитарная наука; и как раз это обстоятельство делает диалог между общественными науками и историей гораздо более сложным, чем между экономикой и политологией.

Эконофизика и генополитика

Ещё одна сложная ситуация возникает при попытке междисциплинарного диалога между *общественными науками* и *естественнонаучными дисциплинами*. Примером можно считать два проекта взаимодействия: экономической науки и физики — «эконофизика», econophysics (см. [Sinha, Chatterjee, Chakraborti, Chakrabarti, 2010]) и политологии и генетики — «генополитика», genopolitics (см. [Wajzer 2020]), сталкивающихся с фундаментальной критикой участвующих в диалоге дисциплин. В отличие от истории и общественных наук, проблема состоит не только и не столько в разных методологических предпосылках и критериях научности; более серьёзным барьером становится сложность предметов исследования, ведущая к распространению упрощённых и неверных представлений.

«Эконофизика» возникла как проект использования инструментов статистической физики для анализа экономических явлений. В принципе весь проект экономики мейнстрима основан на аналогиях из естественных наук — экономика претендует на статус «объективной» дисциплины, основанной на общих теориях, которые могут быть подвергнуты эмпирическому тестированию. В то же время «эконофизика» идёт дальше декларации общего принципа «импорта» естественнонаучных принципов — она предполагает, что уравнения и статистические закономерности, выявленные физикой, могут реально использоваться для описания экономических процессов (например, поведения финансовых рынков). Во многих случаях «эконофизика» опирается на принцип аналогии — статистические распределения, описывающие экономические и физические явления, характеризуются общими характеристиками и могут исследоваться как схожие явления.

В принципе, «эконофизика» действительно смогла сформулировать ряд интересных эмпирических наблюдений, играющих важную роль опять же при анализе финансовых рынков. Однако в то же время признания в экономической науке ей добиться не удалось. Главная претензия экономистов состоит в том, что «эконофизика» не пытается выявить причинно-следственные механизмы, определяющие логику общественных явлений. Вместо того, чтобы моделировать последние как процессы взаимодействия людей с их целевыми функциями и бюджетными ограничениями, «эконофизика» ограничивается аналогиями, возможно, эмпирически корректными, но совершенно не раскрывающими причину наблюдаемых явлений. То обстоятельство, что, например, котировки акций на бирже и те или иные физические процессы описываются схожими статистическими распределениями, совершенно не объясняет, почему эмпирически наблюдаемые данные следуют тому или иному распределению, а именно этот вопрос о *причинах* наблюдаемых явлений находится в центре изучения экономики (и вообще общественных наук). Иначе говоря, теории, которые предлагает «эконофизика», не пригодны для изучения общественных явлений — а физики, интересующиеся обществом (и составляющие костяк «эконофизиков»), недостаточно осведомлены о работе экономистов [Gallegati, Keen, Lux, Ormerod, 2006]⁹.

⁹ Конечно, экономическая наука тоже часто опирается на упрощённые предположения ради прогностической точности моделей — согласно М. Фридману, таким упрощением является сам принцип рационального выбора [Friedman, 1953]. Однако экономика хотя бы пытается моделировать взаимодействие агентов — «эконофизика» просто использует формулы, позволяющие описать эмпирически наблюдаемые данные.

Если «эконофизика» представляла собой критику экономической теории (корпуса формальных моделей экономики, описывающих экономическую реальность), то «генополитика» представляет собой попытку расширения эмпирических исследований в политологии. По сути дела, она предполагает введение в анализ стандартной количественной политологии (с её обычным инструментарием) ещё одной переменной — генетических характеристик субъектов. Исследователи пытаются объяснить, например, политические предпочтения или поведение как отдельных акторов, так и целых стран, их генетическими характеристиками. Главной проблемой таких исследований, очевидным образом, является корректное измерение последних — и именно здесь возникают проблемы. Политологи (или экономисты — в экономике включение генетических переменных в эмпирические регрессионные модели также становится все более и более популярным) попросту недостаточно осведомлены о прогрессе в генетике и используют упрощённые (а порой попросту неправильные) показатели [Charney, English, 2013].

Соответственно, такие работы нередко подвергаются критике — со стороны как биологов, так и представителей других научных дисциплин. Хорошим примером является цикл статей экономиста А. Галора, посвящённый влиянию «генетического разнообразия» на динамику экономического развития, опубликованный в том числе в ведущих журналах экономической науки [Ashraf, Galor, 2013]. Проблемы возникают как с точки зрения корректности эмпирических показателей, так и их интерпретации [D'Alpoim Guedes, Bestor, Carrasco, Flad, Fosse, Herzfeld, et al. 2013]. Помимо всего прочего, в работе приводятся «контрфактические» примеры — как изменилось бы благосостояние тех или иных стран при изменении генетического разнообразия их населения. И хотя такие утверждения сформулированы вполне в духе типичного для экономики причинно-следственного анализа, с точки зрения реального мира они являются сомнительными [Gelman, 2013].

Преодолеть разрыв между общественными и естественными науками для построения эффективного междисциплинарного формата исследований невероятно сложно. По сути дела, для этого требуется сформировать систему подготовки исследователей, в достаточной степени знакомых и с экономикой и политологией, и с, например, генетикой и физикой. Это едва ли возможно — и, как следствие, междисциплинарные исследования будут с высокой вероятностью стремиться к чрезмерному упрощению тезисов и выводов участвующих в них дисциплин.

Междисциплинарный диалог: критерии успеха

Приведённые примеры позволяют довольно чётко определить необходимые предпосылки для продуктивного междисциплинарного диалога, свидетельствуют однако же и о возможных рисках и угрозах такого подхода [Libman, 2023]. Прежде всего успешными (с точки зрения обеих участвующих дисциплин) междисциплинарные проекты могут быть только в случае достаточно близких по своим базовым допущениям дисциплин. Хотя даже в этом случае вполне возможны определённые «трения» между дисциплинами, но возможен и продуктивный диалог. Политическая экономика представляет собой яркий пример подобной ситуации.

Другой вариант основан на чёткой дисциплинарной иерархии: одна из дисциплин «задает тон», а другая «подстраивается» под её допущения, форматы работы, публикации и интересы. Такой вариант позволяет добиться успеха хотя бы с точки зрения одной из дисциплин (другая дисциплина при этом окажется в проигрыше). Такие форматы сотрудничества возможны, только если у представителей более «слабой» дисциплины существуют стимулы, по сути дела, для отказа от успеха в рамках своего собственного научного сообщества. Это может произойти, например, в силу очень мощного личного интереса или в ситуации, когда представители «слабой» дисциплины относятся к тем её школам

и направлениям, которые в самой «слабой» дисциплине занимают маргинальное положение. Так, в проекте, где «сильной» дисциплиной является история или культурология, скорее примут участие экономисты неортодоксальных школ, чем экономисты мейнстрима¹⁰.

Вполне реальной ситуацией, увы, является междисциплинарный проект, в котором участники, представляющие разные дисциплины, оказываются не способными к диалогу друг с другом. В этой ситуации проект в лучшем случае превращается в «вежливое выслушивание» друг друга, а в худшем тонет в критической дискуссии допущений и эпистемологии. Заявленная «междисциплинарность» не позволяет получить новые научные результаты и может быть формой поиска академической ренты (многие фонды с готовностью реагируют на ссылку на «междисциплинарность» в риторике исследователей при распределении грантов).

Упрощённо говоря, существуют две фундаментальные и практически неразрешимые проблемы междисциплинарности. Первая состоит во взаимном дефиците информации. Примеры, приведённые выше, чётко показывают — исследователи часто в недостаточной степени осведомлены о прогрессе в смежных дисциплинах (и тем более — в «отдалённых» областях знаний), или имеют весьма искажённое представление об их развитии. Это не удивительно: каждая область знаний характеризуется собственной внутренней динамикой, со временем ведущей к трансформации её метода и предмета. Экономическая наука — хороший пример этой динамики. Совсем упрощённо, можно говорить о пяти поколениях «экономических исследований», каждое из которых было связано со своими представлениями о сути экономической науки: 1) экономическая наука как наука о стоимости¹¹; 2) экономическая наука как наука об общем равновесии (*general equilibrium*)¹²; 3) экономическая наука как теория рационального выбора, опирающаяся к тому же на эконометрику как основной инструмент анализа данных¹³; 4) поведенческая экономика¹⁴; 5) экономическая наука как преимущественно эмпирическая дисциплина, допускающая плюрализм теоретических подходов, но сосредоточенная на использовании экспериментальных методов для их тестирования (революция достоверности)¹⁵. Критики экономической науки из других дисциплин (например, социологии) часто сосредоточены на одном из поколений, полностью игнорируя то обстоятельство, что в самой экономике оно не является доминирующим¹⁶.

Из-за взаимного дефицита информации междисциплинарные исследования не справляются не только с задачей адекватно воспринять информацию друг друга, но и с ещё более важным с научной точки зрения вызовом — взаимной критикой исследований. Политолог, опирающийся на исследования физика, едва ли может отличить «хорошие» работы от «плохих». Между тем для науки именно эта взаимная критика является ключевым элементом генерации знаний. В некоторых случаях, насколько можно судить, в междисциплинарных исследованиях существуют даже стимулы воспроизводства некачественных исследований. Для экономиста, цитирующего работы биологов, вполне привле-

¹⁰ Эта ситуация, кстати, в ещё большей степени приведет к утрате интереса к междисциплинарному проекту со стороны других представителей «слабой» дисциплины, более соответствующих её ортодоксии.

¹¹ Дебаты классической политической экономики XIX в., итогом которых «подвела» маржиналистская революция.

¹² Формальная и предельно математизированная область знаний, достаточно отдалённая от эмпирических исследований, итогом которой стала формулировка ряда теорем, описывающих свойства общего равновесия или доказывающих, что эти свойства в общем случае вывести невозможно.

¹³ Это «поколение» экономической науки окончательно закрепило представление о ней как об универсальной дисциплине, границы которой определяются не предметом, а методом, и стало источником «экономического империализма» в других дисциплинах. См. также [Полтерович, 2011].

¹⁴ Начиная с этого «поколения», в экономической науке стандартом становится использование моделей человеческого поведения, отклоняющихся от рационального выбора.

¹⁵ Для этого «поколения», любая теория — рациональный выбор или другие подходы — играет второстепенную роль; важнее правильная эмпирическая «стратегия идентификации». См. [Капелюшников, 2018].

¹⁶ К тому же есть области экономической науки — макроэкономика, например, не совсем следующие логике этих поколений.

кательными могут оказаться устаревшие работы или упрощённые и неточные аргументы, позволяющие, однако же, сформулировать более понятные гипотезы для эмпирического анализа. Даже если отказаться от дискуссии о подобных «предельных» случаях, для экономиста, как минимум, нет стимулов вникать в особенность аргументации биологов — проще воспользоваться упрощённым и понятным кратким описанием их аргументов (это в любом случае не станет конкурентным недостатком на рынке публикаций для экономистов).

Вторая проблема связана с различным пониманием самой сути научного исследования. Общественные и гуманитарные науки крайне разнородны и сильно отличаются как друг от друга, так и от естественных наук. За десятилетия (или столетия) эволюции в них сформировались свои эпистемологические основания, порой противоречащие друг другу. Так, в конкуренции идей экономической науки в конечном итоге «победил» количественный позитивизм. В истории же ситуация оказалась прямо противоположной — скорее, успеха добились конструктивистские подходы (например, изучение исторической памяти или исследования, сосредоточенные на визуальных источниках). В литературоведении и некоторых областях социологии постколониальный подход (призывающий «дать голос» традиционно дискриминируемым группам, особенно представителям Глобального Юга) крайне популярен; в экономике он воспринимается (в силу отказа от принципа свободы от ценностных оценок) как ненаучный. В исторической науке или политологии «нормой» является принцип воспроизводимости результатов (эмпирически исследования должны всегда приводить к одним и тем же результатам), а в некоторых областях качественной социологии он отвергается (научное знание «возникает» в процессе интервью и является продуктом со-творчества социолога и респондента) [Strübing, 2018]. Антропологи пытаются установить доверительные отношения с респондентами, а политологи, скорее, стремятся к большей дистанции. Список различий можно было бы продолжить.

Легко заметить, что, если «разногласия» дисциплин связаны со столь фундаментальными проблемами, вести диалог становится крайне сложно. Само по себе определение «хорошего» кейса для исследований будет различаться от дисциплины к дисциплине. Единственный выход — прагматичная позиция, в которой исследователи пытаются «выявить» те аспекты выводов их коллег из других наук, которые были бы интересны с позиции их собственной дисциплины, и отбрасывая всё не соответствующее их собственным критериям научности. Однако реализовать подобный прагматичный подход в междисциплинарном проекте непросто.

Смешанные методы: неразрешимое противоречие?

О междисциплинарных исследованиях обычно говорят при взаимодействии специалистов из различных более или менее чётко обособленных научных сообществ. В то же время во многих общественно-научных дисциплинах проблемой является не только диалог с другими науками, но и «внутренняя» дискуссия между различными «лагерями», разделёнными различными эпистемологическими допущениями. Речь идёт о споре между сторонниками «качественных» и «количественных» методов. Среди трёх основных общественно-научных дисциплин он наиболее жёстко ведётся в социологии, где сторонники качественного и количественного подхода часто отказываются признавать за оппонентами статус учёных (или социологов)¹⁷. В экономике количественный подход на сегодняшний

¹⁷ Для «качественников» «количественники» игнорируют особенности социологии как особой науки и особого взгляда на общество и стремятся к созданию упрощённой сциентистской методологии изучения общества, скорее ориентирующейся на экономику и психологию (при этом на практике сами «качественники» могут быть вполне открыты для диалога с другими дисциплинами — однако, скорее с гуманитарными науками или антропологией). Для «количественников» «качественники» занимаются чистой (часто идеологической) риторикой, а не производят научное знание.

день доминирует и (как минимум, в мейнстриме) признан как единственно научный. В политологии, наконец, сторонники двух подходов наиболее готовы к сотрудничеству друг с другом — в том числе в рамках парадигмы так называемых смешанных методов.

На первый взгляд, методологические предпочтения внутри одной дисциплины должны были в меньшей степени «разделять» исследователей, чем споры между дисциплинами. На практике же «споры о методе» часто становятся непримиримыми. Это связано с тем, что за различиями в методологии на практике скрываются различия в эпистемологии и в «критериях научности». Например, в социологии «качественники» отличаются от «количественников» не только тем, что последние проводят опросы, а первые предпочитают интервью. Обычно «количественники» выступают с позиций, так или иначе связанных с позитивистской парадигмой (в широком смысле этого слова), а «качественники» отвергают этот подход, выступая за «конструктивистские» и «интерпретативные» подходы. «Количественники» ратуют за науку, свободную от ценностных оценок, а «качественники» более склонны к публичной социологии, занимающей чёткую (нормативную) общественную позицию. Разделить эти составляющие крайне сложно, что и ведёт к спорам¹⁸. Даже если оставаться на уровне методологии, многие концепции (например, причинно-следственная связь — одно из ключевых понятий для современной эконометрики) определяются по-разному в количественных и в качественных методах [Mahoney, Goertz, 2006].

Попыткой преодолеть этот разрыв и является концепция «смешанных» методов (mixed methods). В упрощённом варианте проект, использующий смешанные методы, сочетает различные методологические подходы, которые обычно относят к «несовместимым» методологиям (прежде всего, качественные и количественные методы). Полученные результаты могут использоваться для триангуляции [Oleinik, 2011] — если тот или иной вывод подтверждён разными методами, то его можно считать более достоверным. Более «совершенная» интеграция методов предполагает их использование в рамках единого исследовательского дизайна [Onwuegbuzie, Collins, 2007; Small, 2011; Schoonenboom, Johnson, 2017]. Примером можно считать получившие большое распространение в политологии методы «nested analysis» [Lieberman, 2005]. В общем и целом они предполагают, что исследование проводится в два этапа — сначала с помощью количественных методов выявляются общие закономерности, а затем на основе детального анализа одного или нескольких кейсов, отобранных на основе заранее определённых критериев по результатам количественного анализа [Gerring, 2007; Seawright, Gerring, 2008], определяются конкретные механизмы эффектов, тестируется причинно-следственная связь. Таким образом преодолеваются недостатки обеих методологий — ограниченная способность количественных методов выявить каузальные эффекты (корреляция не тождественна причинности) и неспособность качественных методов к генерализации.

Проект смешанных методов кажется способом позаимствовать лучшее из обоих подходов. Однако на практике его успех в значительной степени определяется несколькими важными допущениями, которые не являются самоочевидными. Прежде всего «качественники» и «количественники» должны разделять общий исследовательский интерес, т.е. стремиться к изучению тех же самых аспектов общественных явлений. Во-вторых, от сторонников обоих методов требуется определённый прагматизм, т.е. готовность к диалогу с представителями других подходов, в котором требования к «чистоте» допущений играют меньшую роль, чем стремление так или иначе получить информацию об исследуемом явлении. В-третьих, чем более эффективно работает интеграция методов в рамках общего исследовательского дизайна, тем выше шансы на успех проекта. И в-четвёртых, наконец,

¹⁸ В принципе можно представить себе разные комбинации методов и эпистемологических допущений, но во многих случаях определённые эпистемологии и методы все же «тяготеют» друг к другу.

исследователи должны обладать достаточной квалификацией для использования как качественных, так и количественных методов.

Уже с первым допущением часто возникают проблемы: как уже говорилось ранее, «количественники» и «качественники» по-разному воспринимают значимость тех или иных тем в процессе исследования. Так, для «количественника» детальное описание кейсов, на котором сосредоточены качественные методы, представляет собой всего лишь «анекдоты» (anecdotal evidence), которые лишь «подготавливают» основной массив исследований. Гораздо более проблематичным, впрочем, является второе допущение. Суть любого научного исследования — в следовании заранее определённым методологическим подходам (в этом наука отличается от, например, журналистики). Научные выводы признаются в качестве достоверных только если они получены с использованием этих подходов¹⁹. «Прагматизм» в этой сфере может превратиться в отказ от научности как таковой. Важно понимать: если используемые методы не соответствуют собственным стандартам, нет никаких оснований предполагать, что их сочетание приведёт к повышению качества исследований; наоборот, проблемы при применении одного из методов могут сделать использование другого ещё более проблематичным [Rohlfing, 2008].

Наконец, самая серьёзная проблема смешанных методов — недостаточная квалификация исследователей [Gehlbach, 2015]. Действительно, лишь немногие специалисты в равной степени могут использовать и количественные, и качественные подходы, вести интервью и оценивать регрессии. Результатом может стать проект, в котором лишь одна из составляющих — или качественная, или количественная — выполнена по-настоящему хорошо, а вторая составляющая находится на достаточно низком уровне. В худшем случае обе составляющие не соответствуют общепринятым стандартам качества — такое исследование, конечно, практически бесполезно. Возникает вопрос: не лучше ли фокусироваться на применении методов, хорошо знакомых исследователю, вместо того, чтобы пытаться использовать стратегию смешанных методов, в которой приходится работать с совершенно другой методологией²⁰.

Легко заметить, что проблемы смешанных методов очень похожи на проблемы междисциплинарных исследований. В обоих случаях учёные сталкиваются с принципиальным вызовом: во-первых, у них не хватает информации о дисциплине, выводы которой они пытаются интегрировать в свои исследования (или навыков применения методов, с которыми они до сих пор не работали), и, во-вторых, дисциплины и методы принципиально отличаются друг от друга в своих эпистемологических допущениях, что делает даже общую формулировку исследовательского вопроса крайне сложной. И не случайно, что смешанные методы получают наибольшее распространение в условиях, похожих на те, в которых реализуются успешные междисциплинарные проекты. Например, в социологии, где качественные и количественные исследования действительно развиваются в рамках разных эпистемологий, пространство для смешанных методов оказалось относительно ограниченным. В политологии же смешанные методы получили гораздо более широкое распространение: это связано с тем, что качественные исследования политологов в гораздо большей степени соответствуют «позитивистской» парадигме, чем социологов [Mahoney, 2010; King, Keohane, Verba, 2021]²¹. В принципе сами смешанные методы могут сильно различаться по

¹⁹ Ситуация на самом деле немного напоминает работу суда — судья может принять лишь определённые аргументы (admissible evidence), полученные с помощью определённых методов, и обязан игнорировать все остальные.

²⁰ Частичным решением этой проблемы может быть сотрудничество исследователей с различными навыками в области методов.

²¹ К тому же для политологии, где единицей наблюдения часто является страна или регион, выбирать конкретный кейс для детального качественного исследования проще, чем для социологии, где единицей наблюдения обычно является индивид, к тому же присутствующий в опросных данных в анонимизированном виде.

своим эпистемологическим основаниям [Sommer, Harrits, 2011] — это играет большую роль в определении их успешности в тех или иных научных сообществах.

В любом случае, дискуссия о смешанных методах в каком-то смысле становится отражением дискуссии о междисциплинарности — просто происходящей в рамках (формально) одной дисциплины, в которой присутствуют различные научные сообщества.

Заключение

Данная статья позволяет прийти к достаточно скептическому взгляду на идеал междисциплинарности, к которому стремятся исследователи. Главный вывод — различия дисциплин и их эпистемологических оснований, а также степень дифференциации научного знания с высокой вероятностью превращают междисциплинарный проект или в площадку для «вежливого внимания» учёных друг к другу, не ведущую к настоящему прогрессу, или в пространство бесконечных споров о методе и о предпосылках научного познания, или ведут к искажённому и даже ошибочному восприятию выводов друг друга. Успешными междисциплинарные проекты становятся в ситуации, когда участвующие в них дисциплины достаточно близки друг к другу — в этом случае «стилистические» различия вполне можно преодолеть, и отдельные области научного познания вполне могут «учиться» друг у друга (хотя и в этой ситуации диалог не всегда является тривиальным). Во многих случаях междисциплинарность ведёт не столько к диалогу дисциплин, сколько к обособлению новых дисциплин, которые со временем развивают собственный категориальный аппарат и методологию.

Наши выводы, впрочем, следует воспринимать с рядом оговорок. Прежде всего существуют примеры своего рода «методологической» междисциплинарности — когда та или иная дисциплина заимствует выводы другой дисциплины прежде всего как основание для своего методологического аппарата. Например, экономическая наука последнего столетия была бы немыслима без математики или статистики. Однако в данном случае существует принципиальное различие по сравнению с примерами, которые мы обсуждали ранее: математика не содержит конкурирующей программы эмпирических исследований и описания общественных феноменов (а именно такая программа составляет основу экономического знания), а статистика для экономистов стала в основном источником эмпирических методов (которые экономисты заимствовали достаточно выборочно). Точно так же вполне возможны примеры (весьма успешной) «инженерной» междисциплинарности — в этом случае речь идёт о сугубо прикладных проектах, ориентированных на конкретные результаты для принятия решений (правда, такие прикладные исследования пользуются популярностью далеко не во всех дисциплинах).

«Споры о методах», которые мы охарактеризовали как скорее негативное явление, конечно, не следует отвергать как таковые. Дискуссия о методологии крайне важна, как и критическая рефлексия эпистемологических допущений науки (и то обстоятельство, что экономисты в большинстве случаев совершенно не интересуются эпистемологией своей науки, плохо осведомлены о философии науки как таковой и вообще «выделяют» все дискуссии о методе в специальную субдисциплину «экономическая методология», которая практически игнорируется в мейнстриме [Тамбовцев, 2018], конечно, является проблемой). Важно лишь избегать чрезмерной фиксации исключительно на методологических проблемах — в конечном счёте это сделает любые эмпирические исследования практически невозможными. Однако та или иная дискуссия о методах, безусловно, полезна. Точно так же не следует полагать, что не существует исследователей, которые искренне заинтересованы в сотрудничестве с другими науками и пытаются максимально точно понять и принять их выводы — даже несмотря на то, что такое поведение «не вознаграждается» стимулами тех

или иных научных сообществ²². Однако даже им будет сложно преодолеть барьеры, описанные в этой статье.

Междисциплинарность, таким образом, не должна рассматриваться как безусловная цель, к достижению которой надо стремиться любой ценой. В некоторых случаях непосредственная интеграция дисциплин вполне возможна и может привести к очень интересным результатам. В других случаях «вежливое внимание» — это лучший результат, которого можно добиться. Не следует забывать, что главный аргумент в пользу междисциплинарности — сочетание дисциплин, изучающих различные аспекты социальной реальности — не учитывает того обстоятельства, что границы дисциплин сегодня часто определяют не предмет, а скорее метод или даже стиль научной работы. Иначе говоря, в рамках одной дисциплины существуют работы, посвящённые всему комплексу возможных предметов исследований общества (экономика, в буквальном смысле изучающая практически все общественные явления, в том числе социальные, политические и культурные — яркий пример этой логики)²³. Определить границы «возможных междисциплинарностей» можно, конечно, лишь методом проб и ошибок — пытаюсь понять, какие проекты оказываются успешными (во всех участвующих дисциплинах), а какие остаются нерезультативными. Но в случае, если междисциплинарный диалог однозначно не функционирует, не следует «насаждать» его искусственно.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Капелюшников Р.И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения [Kapelyushnikov R.I. (2018). On the current state of economic science: semi-sociological observations] // *Вопросы экономики*. №5. С. 110–128. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128.
- Курилла И.И. (2022). *Битва за прошлое: Как политика меняет историю* [Kurilla I.I. (2022). *Battle for the Past: How Politics Changes History*]. — М.: Альпина.
- Либман А.М. (2013). Между новой политической экономией и политологией: сближение и расхождение дисциплин [Libman A.M. (2013). Between the new political economy and political science: convergence and divergence of disciplines] // *Журнал новой экономической ассоциации*. №1. С. 166–169.
- Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа [Polterovich V.M. (2011). The formation of general social analysis] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 101–111.
- Тамбовцев В.Л. (2018). Какая экономическая методология может быть интересна экономистам? [Tambovtsev V.L. (2018). What economic methodology may be of interest to economists?] // *Экономическая теория: триумф или кризис*. — СПб.: Леонтьевский центр. С. 104–116.
- Abad L.A., Maurer N. (2021). History never really says goodbye: A critical review of the persistence literature // *Journal of Historical Political Economy*. Vol. 1. No. 1. Pp. 310–368. DOI: 10.1561/115.00000002.
- Abramitzky R. (2015). Economics and the modern economic historian // *Journal of Economic History*. Vol. 75. No. 4. Pp. 1240–1251. DOI: 10.1017/S0022050715001667.
- Angrist, J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., Lu S.F. (2020). Inside job or deep impact? Extramural citations and the influence of economic scholarship // *Journal of Economic Literature*. Vol. 58. No. 1. Pp. 3–52. DOI: 10.1257/jel.20181508.
- Angrist J.D., Pischke J.S. (2010). The credibility revolution in empirical economics: How better research design is taking the con out of econometrics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 3–30. DOI: 10.1257/jep.24.2.3.
- Ashraf Q., Galor O. (2013). The «Out of Africa» hypothesis, human genetic diversity, and comparative economic development // *American Economic Review*. Vol. 103. No. 1. Pp. 1–46. DOI: 10.1257/aer.103.1.1.
- Austin G. (2008). The «reversal of fortune» thesis and the compression of history: Perspectives from African and comparative economic history // *Journal of International Development*. Vol. 20. No. 8. Pp. 996–1027. DOI: 10.1002/jid.1510.

²² Есть даже примеры учёных, сознательно строящих карьеру на стыке дисциплин.

²³ Это, конечно, не оправдывает ситуации, когда экономисты просто не осведомлены о выводах других научных сообществ о своих предметах исследований или когда экономика попросту «воспроизводит» результаты, уже полученные в других науках, и тратит на это время и ресурсы. Однако, опять же, если науки «разделены» различным пониманием научности, то проблема становится менее ярко выраженной — результаты другой дисциплины просто не воспринимаются как научные с точки зрения господствующей в той или иной науке эпистемологии.

- Bates R., Greif A., Levi M., Rosenthal J. L., Weingast B. (2000). Analytic narratives revisited // *Social Science History*. Vol. 24. No. 4. Pp. 685–696. DOI: 10.1215/01455532-24-4-685.
- Boldizzoni F. (2011). *The poverty of Clio: Resurrecting economic history*. — Princeton: Princeton University Press.
- Camerer C., Loewenstein G., Prelec D. (2005). Neuroeconomics: How neuroscience can inform economics // *Journal of Economic Literature*. Vol. 43. No. 1. Pp. 9–64. DOI: 10.1257/0022051053737843.
- Charney E., English W. (2013). Genopolitics and the science of genetics // *American Political Science Review*. Vol. 107. No. 2. Pp. 382–395. DOI: 10.1017/S0003055413000099.
- Charnysh V., Finkel E., Gehlbach S. (2023). Historical political economy: Past, present, and future // *Annual Review of Political Science*. Vol. 26. Pp. 175–191. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051921-102440.
- Cirone A., Pepinsky T. B. (2022). Historical persistence // *Annual Review of Political Science*. Vol. 25. Pp. 241–259. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051120-104325.
- d'Alpoim Guedes J., Bestor T.C., Carrasco D., Flad R., Fosse E., Herzfeld M., et al. (2013). Is Poverty in Our Genes? A Critique of Ashraf and Galor, «The “Out of Africa” Hypothesis, Human Genetic Diversity, and Comparative Economic Development» // *American Economic Review (Forthcoming)*. *Current Anthropology*. Vol. 54. No. 1. Pp. 71–79. DOI: 10.1086/669034.
- Fourcade M., Ollion E., Algan Y. (2015). The superiority of economists // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 29. No. 1. Pp. 89–114. DOI: 10.1257/jep.29.1.89.
- Friedman M. (1953). *Essays in positive economics*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Gallegati M., Keen S., Lux T., Ormerod P. (2006). Worrying trends in econophysics // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. Vol. 370. No. 1. Pp. 1–6. DOI: 10.1016/j.physa.2006.04.029.
- Gehlbach S. (2015). The fallacy of multiple methods // *Comparative Politics Newsletter*. Vol. 25. No. 2. Pp. 11–12. DOI: 10.1016/j.physa.2006.04.029.
- Gelman A. (2013). Ethics and statistics: They'd rather be rigorous than right // *Chance*. Vol. 26. No. 2. Pp. 45–49. DOI: 10.1080/09332480.2013.794616.
- Gerring J. (2007). Is there a (viable) crucial-case method? // *Comparative Political Studies*. Vol. 40. No. 3. Pp. 231–253. DOI: 10.1177/00104140062907.
- Greif A. (1997). Cliometrics after 40 years // *American Economic Review*. Vol. 87. No. 2. Pp. 400–403.
- Gunnell J. (2015). Pluralism and the Fate of Perestroika: A Historical Reflection // *Perspectives on Politics*. Vol. 13. No. 2. Pp. 408–415. DOI: 10.1017/S1537592715000080.
- Hedstrom P. (2005). *Dissecting the social: On the principles of analytical sociology*. — Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511488801.
- Kenning P., Plassmann H. (2005). NeuroEconomics: An overview from an economic perspective // *Brain Research Bulletin*. Vol. 67. No. 5. Pp. 343–354. DOI: 10.1016/j.brainresbull.2005.07.006
- King G., Keohane R. O., Verba S. (2021). *Designing social inquiry: Scientific inference in qualitative research*. — Princeton: Princeton University Press.
- Laitin D.D. (2003). The Perestroika Challenge to Social Science // *Politics and Society*. Vol. 31. No. 1. Pp. 163–184. DOI: 10.1177/0032329202250167.
- Landman T. (2002). *Rebutting «Perestroika»: Method and Substance in Political Science*. — Mimeo, Department of Government, Essex University.
- Libman A. (2023). Interdisciplinarity in East European studies: A social science perspective // *OSMIKON*. <https://www.osmikon.de/themendossiers/crossing-disciplinary-boundaries/interdisciplinarity-in-east-european-studies-a-social-science-perspective> (access date: 08.07.2023).
- Lieberman E.S. (2005). Nested analysis as a mixed-method strategy for comparative research // *American Political Science Review*. Vol. 99. No. 3. Pp. 435–452. DOI: 10.1017/S0003055405051762.
- Lustick I.S. (1996). History, historiography, and political science: Multiple historical records and the problem of selection bias // *American Political Science Review*. Vol. 90. No. 3. Pp. 605–618. DOI: 10.2307/2082612.
- Mahoney J. (2010). After KKV: The new methodology of qualitative research // *World Politics*. Vol. 62. No. 1. Pp. 120–147. DOI: 10.1017/S0043887109990220.
- Mahoney J., Goertz G. (2006). A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research // *Political Analysis*. Vol. 14. No. 3. Pp. 227–249. DOI: 10.1093/pan/mpj017.
- Mitra S., Palmer M., Vuong V. (2020). Development and interdisciplinarity: A citation analysis // *World Development*, 135 p. [105076]. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105076.
- Mueller D.C. (2015). Public choice, social choice, and political economy // *Public Choice*. Vol. 163. No. 3–4. Pp. 379–387. DOI: 10.1007/S11127-015-0244-0.
- Oleinik A. (2011). Mixing quantitative and qualitative content analysis: Triangulation at work // *Quality and Quantity*. Vol. 45. No. 4. Pp. 859–873. DOI: 10.1007/s11135-010-9399-4.
- Onwuegbuzie A.J., Collins K.M. (2007). A typology of mixed methods sampling designs in social science research // *Qualitative report*. Vol. 12. No. 2. Pp. 281–316.
- Oshchepkov A., Shirokanova A. (2022). Bridging the gap between multilevel modeling and economic methods // *Social Science Research*, 104, 102689. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2021.102689.

- Rohlfing I. (2008). What you see and what you get: Pitfalls and principles of nested analysis in comparative research // *Comparative Political Studies*. Vol. 41. No. 11. Pp. 1492–1514. DOI: 10.1177/0010414007308019.
- Samii C. (2016). Causal empiricism in quantitative research // *Journal of Politics*. Vol. 78. No. 3. Pp. 941–955. DOI: 10.1086/686690.
- Schoonenboom J., Johnson R. B. (2017). How to construct a mixed methods research design // *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, Vol. 69 (Suppl 2). Pp. 107–131. DOI: 10.1007/s11577-017-0454-1.
- Seawright J., Gerring J. (2008). Case selection techniques in case study research: A menu of qualitative and quantitative options // *Political Research Quarterly*. Vol. 61. No. 2. Pp. 294–308. DOI: 10.1177/1065912907313.
- Sinha S., Chatterjee A., Chakraborti A., Chakrabarti B.K. (2010). *Econophysics: an introduction*. — Hoboken: John Wiley and Sons.
- Small M.L. (2011). How to conduct a mixed methods study: Recent trends in a rapidly growing literature // *Annual Review of Sociology*. Vol. 37. Pp. 57–86. DOI: 10.1146/annurev.soc.012809.102657.
- Sommer Harrits G. (2011). More than method? A discussion of paradigm differences within mixed methods research // *Journal of Mixed Methods Research*. Vol. 5. No. 2. Pp. 150–166. DOI: 10.1177/1558689811402.
- Strübing J. (2018). Zur Forderung nach Replizierbarkeit in der Forschung // *Forschung & Lehre*. <https://www.forschung-und-lehre.de/forschung/zur-forderung-nach-replizierbarkeit-in-der-forschung-328> (access date: 08.07.2023).
- Truc A. (2023). Neuroeconomics: Hype or hope? An answer. *SSRN Working Paper*. DOI: 10.2139/ssrn.4328645.
- Truc A., Santerre O., Gingras Y., Claveau F. (2020). The interdisciplinarity of economics // *SSRN Working Paper*. DOI: 10.2139/ssrn.3669335.
- Wajzer M. (2020). Genopolitics: introductory remarks // *Interdisciplinary Science Reviews*. Vol. 45. No. 4. Pp. 508–524. DOI: 10.1177/147892992110537.

Либман Александр Михайлович

alexander.libman@fu-berlin.de

Alexander Libman

PhD (Economics), Professor of Russian and East European Politics, Freie Universität, Berlin

alexander.libman@fu-berlin.de

INTERDISCIPLINARY RESEARCH AND MIXED METHODS: PERSPECTIVES AND LIMITATIONS

Abstract. Contemporary scientific community declares interdisciplinarity to be one of its primary goals. Within individual scholarly disciplines (in particular political science) researchers welcome a combination of different methodological approaches within a mixed methods framework. How productive are, however, interdisciplinary studies in reality? Are they able to achieve scientific progress? This paper offers a critical evaluation of perspectives of interdisciplinary research and mixed methods, identifying conditions for their success.

Keywords: *interdisciplinary research; mixed methods; methodology; notion of science.*

JEL: B40, N00, Z13.